

Петръ Александровичъ Державинъ.

НЕКРОЛОГЪ.

Sit tibi terra levis.

Духовная среда даетъ немало выдающихся силъ и крупныхъ дарованій, которыя въ извѣстномъ направленіи и заявляютъ себя на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ жизни. Кажется, на всемъ пространствѣ нашего обширнаго отечества нѣтъ такого уголка, гдѣ бы нельзя было встрѣтить болѣе или менѣе замѣтнаго—въ той или другой области—дѣятеля, который не былъ бы тѣсными узами родства связанъ съ духовною средою и—въ частности—съ духовной школой. Было бы интересно статистически прослѣдить, сколько, помимо пастырей, даетъ обществу наша среда самоотверженныхъ врачей, серьезныхъ ученыхъ, талантливыхъ профессоровъ, блестящихъ адвокатовъ и т. д., и т. д.

Давая обществу немало выдающихся силъ и незаурядныхъ дарованій, духовная среда далеко не всѣ эти дарованія и силы выдвигаетъ.

Почему?

Позволимъ себѣ высказаться.

Часто говорятъ, что человѣкъ такъ или иначе внутренне формируется, въ ту или другую сторону опредѣляется не силою внѣшнихъ обстоятельствъ, а исключительно силою своего

духа. Если—говорять—человѣкъ силенъ въ духѣ своемъ, то всякія внѣшнія преграды для обнаруженія его духовной энергіи не имѣютъ для него значенія и падаютъ сами собой. „Рабомъ“ и вообще бѣднымъ духомъ человѣкомъ „дѣлаютъ не рабскія цѣпи“ и не нищенская сума, „а рабское“ или нищенское „сознаніе“ (Гегель). Такъ говорятъ одни. Но другіе говорятъ по-другому. Утверждаютъ, что лишь внѣшнія, главнымъ образомъ—экономическія условія всецѣло властвуютъ надъ человѣкомъ, и лишь они одни заправляютъ всѣмъ ходомъ его духовнаго развитія и духовнаго самоопредѣленія (Марксъ—Энгельсъ).

Несомнѣнно, что и та и другая оцѣнки внѣшнихъ условій по отношенію къ внутренней жизни человѣка должны быть признаны крайними и—потому—неудовлетворительными. Какъ двусоставна природа человѣка, такъ и укладъ всей его жизни опредѣляется факторами и внѣшними, и внутренними. Нельзя поэтому сказать, что человѣкъ представляетъ собою только „сумму условій“ (Купринъ), но не можетъ быть и того, чтобы онъ отъ этихъ условій былъ совершенно независимъ. Внѣшнія условія или благоприятствуютъ духовному развитію человѣка, или же задерживаютъ и стѣсняютъ его. И—укажемъ частный случай—нужно обладать титаническими силами, чтобы имѣть возможность стать выше тяжелыхъ гнетущихъ условій жизни и выйти изъ борьбы съ ними побѣдителемъ. Обыкновенный же человѣкъ, хотя бы и богато одаренный, хотя бы и талантливый, не можетъ не уставать въ этой борьбѣ и не вступать съ условіями жизни въ такіе или иные компромиссы.

Петра Александровича Державина нужно отнести къ категоріи людей, именно богато одаренныхъ, но надломленныхъ въ борьбѣ съ условіями жизни и—въ концѣ—сраженныхъ ими. Въ лицѣ Петра А.—ча духовная среда дала обществу крупную силу, но *выдвинуть* ее она—увь!—не могла. Слѣшкомъ среда наша бѣдна, слѣшкомъ принижена матеріально и

по связи съ этимъ—морально, слишкомъ тѣсно сдвлена съ разныхъ сторонъ, и потому—то развертываются въ ней драма за драмой...

Будучи товарищемъ П. А.—ча по Алатырскому духовному училищу и Симбирской семинаріи, я ближайшимъ образомъ зналъ его въ теченіе одиннадцати лѣтъ. И за все это время какъ во мнѣ, такъ и во многихъ другихъ П. А. возбуждалъ искреннее и глубокое изумленіе предъ его недожинными дарованіями и предъ особой цѣлостностью и кристальной чистотой его характера.

Получивъ образцовую дошкольную подготовку въ домѣ своего отца, священника Ардатовской Ильинской церкви, необычайно любознательный, чуткій и воспріимчивый ко всему серьезному и интересному, П. А. все преподаваемое въ школѣ ловилъ, такъ сказать, на лету, быстро претворялъ въ себѣ и дѣлалъ своимъ достояніемъ. Еще въ духовномъ училищѣ П. А. удивлялъ насъ знаніемъ русскаго языка и русской литературы. Многое изъ области послѣдней онъ читалъ, а нѣкоторыя изъ сочиненій Пушкина, Лермонтова и особенно Гоголя зналъ совершенно наизусть. Фактъ вполне исключительный не только для того времени, о которомъ я говорю.. Не менѣе богатое знакомство обнаруживалъ П. А. и съ географіей. Какъ по литературѣ, такъ и по географіи у него еще въ училищѣ была своя маленькая библіотечка, которой пользовались и мы, его товарищи. Много зная, П. А. умѣлъ и дѣлиться своими свѣдѣніями. Помню, его удивительно живые и умные рассказы о разныхъ странахъ, народахъ, тропической и полярной природѣ часто собирали насъ въ свободное между занятіями время вокругъ него и приводили въ величайшій восторгъ. Эти часы и теперь будятъ во мнѣ одно изъ лучшихъ воспоминаній о духовно-училищной жизни, и за нихъ я всегда былъ благодаренъ П. А.—чу. Что касается до письменныхъ работъ П. А.—ча, то онѣ наиболѣе обращали на себя вниманіе преподавателей, и не разъ смотритель училища

въ свободное неурочное время приходилъ къ намъ въ классъ съ тетрадью П. А—ча и, восхищенный его работой, вслухъ прочитывалъ ее намъ всѣмъ и по ней училъ насъ писать сочиненія.

Въ семинаріи вмѣстѣ съ дальнѣйшимъ развитіемъ духовныхъ силъ и способностей П. А—ча росла и жажда его все новыхъ и новыхъ знаній. Будучи исправнымъ ученикомъ и въ разрядныхъ спискахъ занимая всегда одно изъ первыхъ мѣстъ, П. А. съ удивительной настойчивостью занимался и чтеніемъ и основательнымъ штудированіемъ постороннихъ предметовъ, особенно сильно его занимавшихъ. Такими предметами для П. А—ча еще въ первыхъ классахъ были философія, русская исторія и главнымъ образомъ литература, но уже не русская только, а и иностранная. И если въ духовномъ училищѣ П. А. зналъ русскихъ классиковъ, то въ семинаріи онъ могъ свободно цитировать классиковъ иностранныхъ. При этомъ любимыми авторами П. А—ча были Шекспиръ и Викторъ Гюго. Занимался П. А. и по физикѣ и даже по химіи. Но не только или—лучше—не столько знаніями своими выдѣлялся изъ нашей среды П. А.: наиболѣе яркой была въ немъ способность строго критическаго отношенія ко всему, что совершалось вокругъ. Ни общее увлеченіе какой-либо книгой или брошюрой, ни модное преклоненіе предъ какимъ-либо сомнительнымъ авторитетомъ, никакое массовое волненіе не могли сбить П. А—ча съ толку и заставить смотрѣть на вещи полузакрытыми глазами. И я—кажется—всегда буду помнить, съ какимъ тонкимъ, а главное остроумнымъ анализомъ П. А. подходилъ къ каждому явленію, къ каждому факту въ области ли книги, въ области ли жизни. А во время нашего обученія въ семинаріи жизнь складывалась уже такъ, что безъ способности критическаго отношенія къ окружающему трудно было сохранить духовное равновѣсіе. Но П. А. не только самъ всегда сохранялъ, при бурныхъ волненіяхъ жизни, нормальное равновѣсіе, а поддерживалъ его и во

многихъ другихъ. Извѣстно, какъ много значить въ школьной средѣ выдѣляющійся незаурядный товарищъ. При нѣкоторыхъ обстоятельствахъ онъ можетъ оказывать на учениковъ гораздо большее вліяніе, чѣмъ опытный наставникъ. И бѣда въ томъ, что у насъ нерѣдко „влиятельные“ товарищи выдѣляются не тѣмъ, чѣмъ выдѣлялся П. А.

По окончаніи семинаріи многіе изъ насъ поступили въ высшія учебныя заведенія. Семинарскимъ образованіемъ не ограничивались не только лучшіе изъ учениковъ нашего курса, но и тѣ, которые съ грѣхомъ пополамъ только провлачили семинарское существованіе. Несомнѣнно, что П. А. больше всѣхъ насъ хотѣлъ учиться. И для него высшее образованіе было бы наиболѣе полезнымъ. Оно дало бы возможность развернуться его богатымъ природнымъ даннымъ. Но — къ глубокому прискорбію — послѣ смерти отца семейная жизнь П. А. сложилась такъ, что именно онъ былъ принужденъ ограничиться одной семинаріей. — И вотъ здѣсь-то развязка его жизненной драмы.

Окончивъ семинарію, П. А. поступилъ надзирателемъ въ Симбирское духовное училище. Не обинуясь можно сказать, что П. А. не былъ призваннымъ педагогомъ. Но должно быть особенностью всякаго болѣе или менѣе крупнаго дарованія въ томъ и состоятъ, что оно не бываетъ узкимъ и всюду, куда бы ни прилагалось, обнаруживаетъ свою внутреннюю силу. П. А., не будучи педагогомъ, оказался педагогомъ превосходнымъ. Объ этомъ между прочимъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ и та любовь, и то уваженіе, которыми онъ пользовался среди своихъ питомцевъ. Въ училищѣ П. А. чу пришлось работать въ наиболѣе тревожное время (1903 — 1906 г.г.), когда въ какомъ угодно учебномъ заведеніи особенно трудно было поддерживать нормальный порядокъ. И многіе изъ педагоговъ въ это тяжелое время терялись. Если одни, какъ утопающій за соломенку, хватались за давно осужденныя, но по крайней мѣрѣ знакомыя и легко доступныя

репрессивныя мѣры воздѣйствія на расходившихся школяровъ и этимъ естественно подливали масло въ огонь, то другіе беспомощно опускали предъ школярами руки, покорно склоняли передъ ними головы, со всѣмъ мирились и все благоговѣяли, лишь бы не вызывать со стороны учащихся какихъ либо эксцессовъ: этимъ, разумѣется, въ корнѣ подрывалось и какъ бы объявлялось ненужнымъ все педагогическое дѣло.

П. А. всюду, гдѣ требовался въ школѣ извѣстный строй и гармоническій порядокъ—внутренній ли, внѣшній ли—не допускалъ по отношенію къ ученикамъ ни малѣйшей уступчивости. Въ этомъ отношеніи онъ былъ въ высшей степени требователенъ, а иногда даже рѣзокъ. Но ученики ни на минуту не забывали той внутренней сердечной доброты П. А-ча, которая въ извѣстныхъ случаяхъ обнаруживалась со всею ясностью, ни на минуту не теряли— правда, полусознательной, почти инстинктивной, но твердой—вѣры въ высокое достоинство тѣхъ цѣлей, къ которымъ увѣренной рукою велъ ихъ П. А-чъ, и онъ неизмѣнно пользовался у нихъ авторитетомъ и уваженіемъ, — именно уваженіемъ. А это въ педагогическомъ дѣлѣ неизмѣримо важнѣе такъ называемой „любви“, сплошь и рядомъ имѣющей характеръ лишь минутнаго увлеченія, случайнаго аффекта.

Домашнія же обстоятельства заставили П. А-ча перемѣнить мѣсто службы и изъ духовнаго училища уйти въ образцовую при семинаріи школу. Какъ и слѣдовало уже ожидать, П. А. и здѣсь оказался на своемъ мѣстѣ. Въ качествѣ образцоваго учителя онъ даже выдѣлялся. Конечно, легко выдѣлиться свѣтлымъ пятномъ на фонѣ темномъ; нетрудно произвести впечатлѣніе незауряднаго работника въ ряду работниковъ заурядныхъ. Но въ образцовой семинарской школѣ дѣло обученія съ давнихъ поръ было поставлено очень солидно, и П. А. — говорили всѣ близко стоящіе къ дѣлу—поднялъ его на высоту, рѣдко къ ней достигаемую.

Можетъ быть, такой успѣхъ П. А-ча въ работѣ кого

нибудь изъ близкихъ его удовлетворялъ, но меня лично—нѣтъ; наоборотъ,—глубоко меня печалилъ. Въ самомъ дѣлѣ: чувствовать въ глубинѣ духа залежи огромныхъ силъ—и имѣть только такое узкое и ограниченное поле для дѣятельности, какъ начальная школа. Обладать значительными познаніями въ литературѣ, исторіи, философіи—и изо дня въ день обучать ребятъ „азамъ“. Ощущать жгучую жажду все высшихъ и высшихъ знаній—и за исправленіемъ грамматическихъ ошибокъ не имѣть времени даже для обыкновеннаго чтенія. Какъ хотите, но это большая драма ¹⁾. И самъ П. А. переживалъ ее мучительно остро. Испытывая въ предсмертные часы обычное для больныхъ облегченіе въ боляхъ, П. А. говорилъ своему врачу:

— Вотъ, мнѣ и хорошо теперь стало... Совсѣмъ хорошо... И какъ весело кругомъ, свѣтло... И какъ хорошо жить... Только вотъ бросить бы это и учиться бы дальше... Вѣдь, я, докторъ, недоучка...

А черезъ нѣсколько часовъ П. А. умеръ.

Развѣ это не драма?

Если П. А. обращалъ на себя вниманіе со стороны большихъ интеллектуальныхъ дарованій, то со стороны нравственнаго характера онъ—безъ преувеличенія—долженъ быть названъ личностью совершенно исключительной.

Твердость и ясность убѣжденій, упорядоченныхъ и опредѣленно-систематизированныхъ основными христіанскими принципами, сообщали характеру П. А-ча особую цѣлостность и стойкость. И наиболѣе цѣнной чертой въ этомъ характерѣ было то, что П. А. ни въ какомъ случаѣ не допускалъ сознательнаго разлада между теоретическими воззрѣніями и практикой жизни; онъ глубоко и искренно возмущался, когда видѣлъ, что люди по книгамъ, по школѣ, по торжественнымъ

¹⁾ Могутъ сказать: а Рачинскій? А Толстой? А многіе другіе? Но—замѣтимъ—тамъ, во-первыхъ, были особые условія работы, а, во-вторыхъ, на подвигъ Рачинскаго, напр., мы и смотримъ именно какъ на подвигъ.

параднымъ выступленіямъ являются одними, а въ домашней обстановкѣ, въ мелочахъ жизни совершенно другими.

— Зачѣмъ же тогда книга, — говорилъ часто П. А. — зачѣмъ школа, зачѣмъ эти красивыя увлекательныя слова, если мы, закрывъ книгу, окончивъ школу, начинаемъ все по своему, грубо, некультурно и пошло? Въ классѣ все это возвышенно идеально, чисто; съ классной каедрой раздаются призывы къ самоусовершенствованію, къ труду, къ честности, чистотѣ, самопожертвованію, а за стѣнами школы и даже у самого порога ея — праздность, пьянство, карты, будничное прозябаніе. И — главное — это находятъ нормальнымъ. Никто противъ этого не протестуетъ. Требуютъ расширенія программъ, исправленія курсовъ, улучшенія всей постановки школьнаго дѣла, а ничтожества и пустоты интимной жизни своей не замѣчаютъ, или намѣренно закрываютъ на это глаза. И выходитъ — какъ будто — такъ, что школа сама по себѣ, а жизнь сама по себѣ, и что школа создана совершенно искусственно лишь для того, чтобы хоть чѣмъ-нибудь занять подростующія поколѣнія. Для дѣтей существуютъ игрушки. Для юношества создана школа. А помимо игрушекъ и школы стоитъ жизнь, которая и игрушки, и школу отрицаетъ. Порядокъ вещей — явно не здоровый. Говорятъ, что школа оторвана отъ жизни. Но не вѣрнѣ ли: жизнь оторвана отъ школы? Несовершенна у насъ школа, но всетаки она лучше, идеальнѣе и здоровѣе жизни. И если бы наша жизнь послѣ школы и внѣ ея была ближе къ школьнымъ традиціямъ, то многимъ изъ насъ легче и счастливѣе было бы жить...

Протестуя противъ искаженія въ жизни тѣхъ идеаловъ, которые провозглашаются книгой и прививаются въ школѣ, самъ П. А. гармонически сочеталъ въ себѣ высоту теоретическихъ убѣжденій и практической жизни. Держась въ теоріи строго — христіанскихъ взглядовъ, П. А. былъ строгъ къ себѣ во всѣхъ житейскихъ мелочахъ. Ни праздныхъ разговоровъ, ни легкомысленныхъ, а тѣмъ болѣе нечистоплотныхъ шутокъ.

ни мелочныхъ пересудовъ, ни какихъ-либо излишествъ, ни картъ ничего этого никогда нельзя было встрѣтить у П. А-ча. Во всемъ — большомъ и маломъ — онъ стремился къ серьезности, чистотѣ и добропорядочности и этой цѣли достигалъ съ успѣхомъ. Въ данномъ отношеніи онъ былъ человѣкомъ какъ бы не отъ міра сего. Но вмѣстѣ съ тѣмъ — какъ всегда легко, весело и даже празднично чувствовалось въ его обществѣ! Сейчасъ же видно было, что васъ окружаетъ атмосфера свѣтлая, чистая, здоровая духовно.

Но будучи строгъ къ себѣ, П. А. — былъ строгъ и къ другимъ. Онъ ни въ комъ терпѣть не могъ — лицемѣрія, не выносилъ претенціозной ограниченности и глупости, глубоко презиралъ тѣхъ, кто стоятъ въ лучшихъ сравнительно съ нимъ матеріальныхъ условіяхъ и, имѣя поэтому возможность дѣлать многое полезное, погрязаютъ въ лѣни, праздности или же просто прожигаютъ жизнь. Особенно ненавистны были П. А-чу тѣ, кто, не имѣя гроша за душой, позволяютъ себѣ третировать другихъ только въ силу своей внѣшней значимости, въ силу внѣшняго превосходства. П. А. не любилъ и не умѣлъ судить. Но когда его противникъ встрѣчался съ нимъ лицомъ къ лицу и безцеремонно обнаруживалъ себя съ ненавистной П. А-чу стороны, П. А. при всей своей деликатности и воспитанности становился безпощаденъ. Острая и умная рѣчь его звучала тонкой, но ѣдкой ироніей, и подъ огнемъ его сарказмовъ рѣдко кто могъ устоять. Особенно же это нужно сказать о послѣднемъ времени, когда болѣзнь П. А-ча дѣлала его раздражительнымъ и усиливала его нетерпимость ко всему несимпатичному для него.

Само собою разумѣется, что сатирическое отношеніе П. А-ча къ чужимъ недостаткамъ или — позволимъ выразиться специальнымъ терминомъ — къ явному, „публичному“ оказательству „этихъ“ недостатковъ многихъ заставляло сторониться отъ него, а иногда доставляло ему и не мало враговъ. Но что до меня лично, а равно и многихъ другихъ, то мы именно

это искреннее и серьезное протестантство П. А-ча по отношению ко всему пошлomu, мелочному и низкому въ жизни цѣнили въ немъ наиболѣе высоко. Въ данномъ случаѣ для насъ видна была ревность П. А-ча по возвышенности, красотѣ и цѣльности жизни. А это всегда вообще, а при теперешнемъ характерѣ жизни въ особенности,—это ревность святая, и осмѣлиться осуждать ее нельзя.

Умеръ П. А. 15-го апрѣля, на третій день Пасхи.

Смерть его не была для насъ неожиданностью.

Туберкулезомъ легкихъ П. А. страдалъ съ давнихъ поръ. Усиленные же его работы по школь и самообразованію содѣйствовали быстрому развитію болѣзни. Великимъ постомъ туберкулезъ перешелъ у покойнаго въ область желудка, а водянка легкихъ рѣшила его участь.

Трудно описать ту скорбь, какой отозвалась преждевременная кончина П. А-ча въ сердцахъ всѣхъ знавшихъ его, родныхъ, знакомыхъ и даже незнакомыхъ. Во время отпѣванія П. А-ча въ семинарскомъ храмѣ ко мнѣ подошла женщина. Она всего только раза два видѣла П. А-ча. Но теперь рыданія положительно душили ее, и она едва могла проговорить:

—Горе-то, горе-то какое...

И опять зарыдала.

Да. Горе большое, и переживать его больно. Но — несомнѣнно — оно переживалось бы и еще больнѣе, если бы не умѣрялось радостью того праздника, когда П. А. умеръ. Въ дни святой Пасхи смерть хотя бы самаго близкаго для насъ, хотя бы самаго дорогого челоуѣка не такъ больно чувствуется и не такъ тяжело переносится, какъ во всякое другое время. И понятно: Пасха — праздникъ жизни и побѣднаго торжества ея надъ смертью. И среди особаго праздничнаго блеска на всемъ вокругъ, подъ ликующіе звуки пасхальныхъ гимновъ, подъ „красный“ звонъ колоколовъ естественно примириться со смертью, во всякомъ случаѣ не утрашиться ея, не ужас-

нуться. Въ „всепразднственные“ дни пасхальные вѣра положительно не хочетъ видѣть смерти и рѣшительно закрываетъ на нее глаза. Въ самомъ дѣлѣ: съ одной стороны гробъ и въ немъ бездыханное *мертвое тѣло*, а съ другой—надъ этимъ же гробомъ, тутъ же рядомъ, побѣдная пѣснь:

„Смерти празднуемъ умерщвление“.

Съ одной стороны реальный фактъ, что жизнь человека оборвалась, *окончилась* навсегда, а съ другой провозглашеніе — „*начала*“ иного житія, „*вѣчно*“. Повидимому, слезы у гроба умершаго должны бы быть безутѣшны, скорбь безгранична, но вѣра требуетъ не „плакать и рыдать“, а „*ирающе*“ слагать пѣсню въ честь Воскресшаго, ибо „нынѣ *вся* исполняющаяся свѣта, небо же, земля и *преисподняя*“...

Въ дни воскресенія надежда на безсмертіе и вѣчное бытіе приобрѣтаетъ особую ясность и твердость, и можно сказать, что въ эти дни вѣра видитъ свѣтлую жизнь и въ темной могилѣ.

Воистину: *Гдѣ твое, смерти, жало?*

При вѣрѣ въ Христово воскресеніе реально, почти обязательно чувствуется, какъ это жало притушилось, и потому перенести тяжелую утрату въ пасхальные дни для насъ было легче, и наше короткое „*прощай*“, короткое „*до свиданья*“ надъ гробомъ П. А-ча было не обычной въ подобныхъ случаяхъ риторической фигурой, а естественнымъ выраженіемъ живой и отрадной надежды на новую встрѣчу съ нимъ на новой землѣ и подъ новыми небесами.

До свиданья же, дорогой товарищъ!

„*Покойся, милый прахъ, до радостнаго утра*“.

И если тяжела была для тебя жизнь, то „*да будетъ тебѣ лежка земля*“.

Н. Колосовъ.